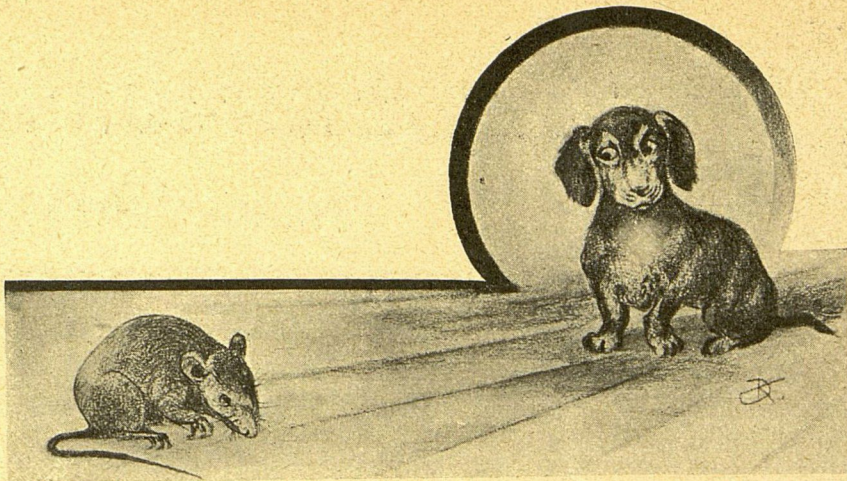

Свѣтлячокъ

1903 г. ◦ годъ II. ◦ № 12.

Покойной ночи!..

Такъ поступилъ господинокъ Такки.

Позвольте,—кто тамъ другой ни толкуй,—но я отлично знаю, что Такки въ этой трагической исторіи не только не былъ виноватъ, но показалъ себя сущимъ героемъ. Объ этомъ знаютъ всѣ, рѣшительно всѣ: и сама Ниночка, и куклы Дарзи и Джесси, и шоколадный клоунъ Буль-Буль, и наконецъ даже крыса Мумундра, всегда возстававшая противъ господина Такки... Послушайте,—и вы узнаете отлично все.

Прежде всего,—Такки былъ удивительно хорошенькій таксъ. Знаете, такой маленькій, аккуратный, съ атласистой черной шерстью, съ потѣшными желтыми точками надъ глазами... Ко-

ротенькія лапки были у него вывернуты, какъ у самаго заправскаго танцора. Но самое хорошее было то, что Такки обладалъ превосходнымъ характеромъ, и въ первые дни своего существованія только и дѣлалъ, что лизалъ, лизалъ и лизалъ все, что ни попадалось ему подъ языкъ.

Это было такъ мило съ его стороны, что Ниночка не выдерживала, схватывала его и душила въ объятіяхъ такъ, что у Такки глаза выпучивались, и онъ еле дышалъ:—„Уфъ!.. Это слишкомъ тяжело для щенка!..“

— Такки, милый, милый Такки!..—и Ниночка цѣловала его въ точки надъ глазами, въ каждое ушко по очереди,—и въ самую мордочку въ видѣ финальнаго аккорда—особо.

Потомъ у Такки стали чесаться десны,—и Такки сталъ грызть, грызть и грызть все, что прежде подвергалось облизыванью. Это было, такъ сказать, вторымъ курсомъ его обученія.

— Такки, Такки!..—не унималась Ниночка,—какой вы хорошенькій!..—И Ниночка, тормоша Такки, съ вѣчно изумленной мордочкой, говорила это особымъ голосомъ, стиснувъ зубки, какъ могъ бы говорить самъ Такки...

Такки за это любезно лизалъ ей руки, а потомъ начиналъ ихъ грызть...

Въ какихъ-нибудь два дня Такки освоился съ квартирой совершенно. О! Такки былъ очень уменъ! Онъ зналъ, что если подойти къ блестящей штукѣ,—то оттуда навстрѣчу ему пойдетъ точно такой же Такки. И если его ударить лапой, то онъ ударить такъ же,—но только это совсѣмъ не больно, и изъ этого никогда ничего не выйдетъ, даже самой пустяшной драки. А если залаять на него, то тотъ Такки—такой глупый, что вовсе не лаетъ, а только разѣваетъ пасть. Потомъ Такки узналъ, что если сразбѣгу броситься на маленькій коврикъ передъ кресломъ, то коврикъ поѣдетъ по паркету, какъ маленькій плотикъ... А если тебя возьмутъ на руки во время чая или обѣда,—то надо непременно сдѣлать умильную мордашку и положить обѣ лапы на столъ...

Тогда человѣкъ, котораго зовутъ папой, и у котораго постоянно валить дымъ изо-рта, какъ изъ печки,—протянетъ косточку, Ниночка поцѣлуетъ въ лобикъ, дастъ кусокъ сахара и спросить:

— А чьи это лапуси?... Таккочки?...

Вообще, чтобы все узнать, надо подумать, да подумать.

Иногда на Такки нападало озорство, духъ какого-то противорѣчія. Упрется лапами и нач-

петь лаять ни съ того, ни съ сего. А потомъ подпрыгнетъ передними лапами, такъ что уши у него взлетятъ кверху,—и тявкнетъ.

— Чего ты, Такки?..

Но отъ Такки—ни гласа, ни послушанія.

По врожденному чувству, Такки не могъ равнодушно слышать шороха. Все кажется,—мышь... Сейчасъ бросится на шумъ, начнетъ носомъ поводить,—ну, настоящая кошка. Котъ Тусикъ даже какъ-то разъ обидѣлся...

— Послушайте,—сказаль онъ Такки,—вы еще мальчишка, а суете носъ совсѣмъ не туда, куда слѣдуетъ... пожалуйста оставьте въ покоѣ моихъ мышей.

— Это почему такое?..

— А потому что это—мое дѣло.

— Скажите пожалуйста... Да вы знаете, вы знаете...—И пошелъ, и пошелъ лаять. Конечно, Тусикъ ради предосторожности вспрыгнулъ на стуль. Такки—за нимъ, но сорвался, повалился и уронилъ столикъ съ вазочкой и букетикомъ... Прибѣжала Маша горничная и Такки досталось полотенцемъ. Ахъ, это ужасно неприятно, когда васъ возьмутъ и ударятъ полотенцемъ!

Но все-таки Такки не оставилъ своего влеченія... Той же ночью на шорохъ онъ выползъ изъ столовой въ кабинетъ и тутъ увидаль ста-

рушку-крысу Мумундру. Она сидѣла на заднихъ ногахъ и кушала сухую корочку. Такки въ моментъ прыгнулъ, ухватилъ ее за шиворотъ,—но это былъ не Тусикъ. Крыса обернулась, вцѣпилась острыми, какъ иголки, зубами Такки въ губу и съ сердцемъ взвизгнула:

— Послушайте!.. что это значитъ?

— А вы здѣсь зачѣмъ?—жалобно визжалъ Такки, на почтительномъ разстоянїи мотая отъ боли ушастой мордочкой...

— Благородная дама кушаетъ,—а вы за шиворотъ... Невѣжа!..—спокойно сказала крыса Мумундра...

— Да чего вы разсѣлись?—не, унимался Такки.

— Скажите,—вопросы?..—Слушай ты, косопалый,—я пятый годъ въ подполицѣ живу,—и зовутъ меня крысой Мумундрой. И ты со мной не шути.—Я и Тусику вашему ухо оборвала и морду исцарапала, а не то что тебя, молокососъ...

— А ежели я вамъ спуску не дамъ?..—волновался Такки и все еще облизывалъ губу...

— Что?.. ну, постой, братъ, я тебя подведу!.. Подойди-ка сюда.

— Оставьте меня, пожалуйста,—запротесто-

валь Такки и поскорѣе заковылялъ, стуча коготками по полу, къ Ниночкиной кровати, вползъ къ Ниночкѣ, пропутешествовалъ по ней, свалился съ плеча на подушку и здѣсь пригрѣлся и заснулъ...

Онъ спалъ и не подозрѣвалъ коварства крысы Мумундры... Оно открылось на другой день утромъ. Ниночка встала, расцѣловала Такки, пошла будить своихъ куколъ Дарзи и Джесси— и обомлѣла. Дарзи и Джесси лежали въ истрепанномъ видѣ на полу, у Дарзи была сорвана прическа и прокушена голова...

Явное дѣло,—это сдѣлалъ Такки...

Ахъ, какъ досталось бѣдному Такки! Представьте себѣ, что васъ взяли за шиворотъ, носомъ уткнули сначала въ Дарзи, потомъ въ Джесси, затѣмъ ударили ладонью по спинѣ и выкинули за дверь, на улицу... Согласитесь сами, что помимо боли,—это еще и обидно...

Буквально всѣмъ приходившимъ гостямъ неповинный Такки докладывалъ о несправедливости хозяевъ, лизалъ руки со слезами на глазахъ,—но сочувствія ни у кого не находилъ.

Ниночкѣ скоро жаль стало Такки.

— Таккуся, Таккуся!—приставала она къ нему,—но Такки слишкомъ высоко цѣнилъ свою

обиду, чтобы простить ее за два, за три поцѣлуя въ ушки и лобикъ.

Ночью Такки долго подстерегалъ крысу Мумундру.

— Ты что это надѣлала? — накинулся онъ на нее.

— А, что, — влетѣло?.. погоди ты, шутъ косолапый, — будешь ты помнить бабушку-крысу Мумундру. Я тебя еще не тѣмъ угощу.

Бѣдный Такки! Можете себѣ вообразить тяжелое состояніе его духа?.. Онъ могъ только пойти жаловаться своему безмолвному двойнику, видѣнному имъ въ зеркалѣ. Но какой толкъ могъ быть отъ него...

И Такки рѣшилъ бѣжать, бѣжать изъ этого дома, гдѣ вовсе не цѣнили его собачьихъ достоинствъ, и вдругъ...

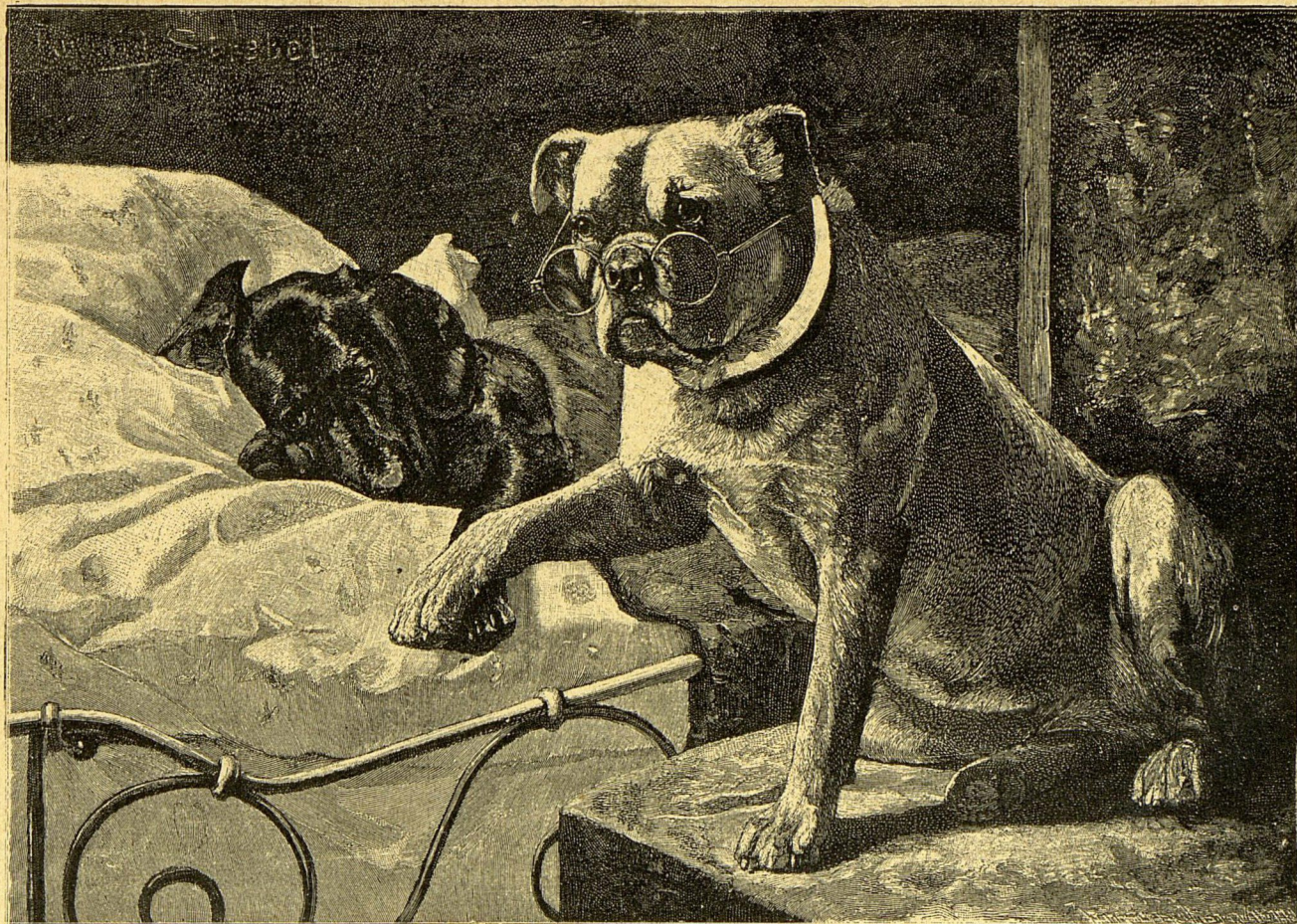
Да, крыса Мумундра при всей своей пристрастности, по всей подполицѣ разгласила о подвигѣ Такки... Котикъ Тусикъ на крышѣ заявилъ своимъ пріятелямъ котамъ:

— Всѣхъ спасъ, косолапый дурень!.. Поди ты вотъ, — я ужъ думалъ, — такъ онъ, ни къ чему негодная дрянь, — а онъ насъ вонъ изъ какой бѣды выручилъ...

А. Водоровъ-Давыдовъ.

(До слѣдующей книжки.)

— А позвольте узнать, — какъ ваше здоровье?

Картинка.

А
редь иконою лампадка
Трепетно горить;
Противъ—дѣтская кроватка
Въ уголкѣ стоитъ;
Разметавшись, крѣпко, сладко
Въ ней малютка спитъ;
И луна въ окно украдкой
На него глядитъ.

А. Вороховъ.

Побѣдила!..

(К артинка).

— Ты сломала моего фарфороваго мальчи-
ка... гадкая... злая... У-у... Я вотъ задамъ
тебѣ!—крикнулъ Вася, выпучивъ свои большіе,
синіе глаза.

— Вася!.. Какъ тебѣ не стыдно!—горячо
сказала покраснѣвшая Лена:—Это... это...

— Ты... ты... ты!—перебилъ Вася.—Ты-ы...
Я видѣлъ!.. Самъ!..

— Ва-ся!..

Вася весь вспыхнулъ: покраснѣли уши,
щеки, лобъ... и носъ у него сморщился, какъ
у мопсика.

Онъ что-то крикнулъ, бросился на Лену и
ущипнулъ ея бѣлую, мягкую руку, лежавшую
на столѣ.

Лена вскрикнула отъ боли... Слезы остановились у нея въ глазахъ.

Вася готовъ былъ еще драться, нападать: Лена больше, сильнѣе его, но онъ можетъ сдѣлать ей больно, отъ чего Лена закричитъ еще громче... Онъ только ждалъ, что Лена его ударитъ, или скажетъ какое-нибудь очень обидное слово... Или заплачетъ и пойдетъ жаловаться... Тогда онъ еще кинетъ ей вслѣдъ злое слово: „ябеда! ябеда!“

Но Лена не поднялась со стула...

— На!.. На... щипи еще! — сказала Лена, едва сдерживая слезы.— Ущипни!..

Это было такъ неожиданно... Вася растерялся... Онъ поглядѣлъ большими-большими глазами на Лену и сразу поблѣднѣлъ... опустилъ глаза.

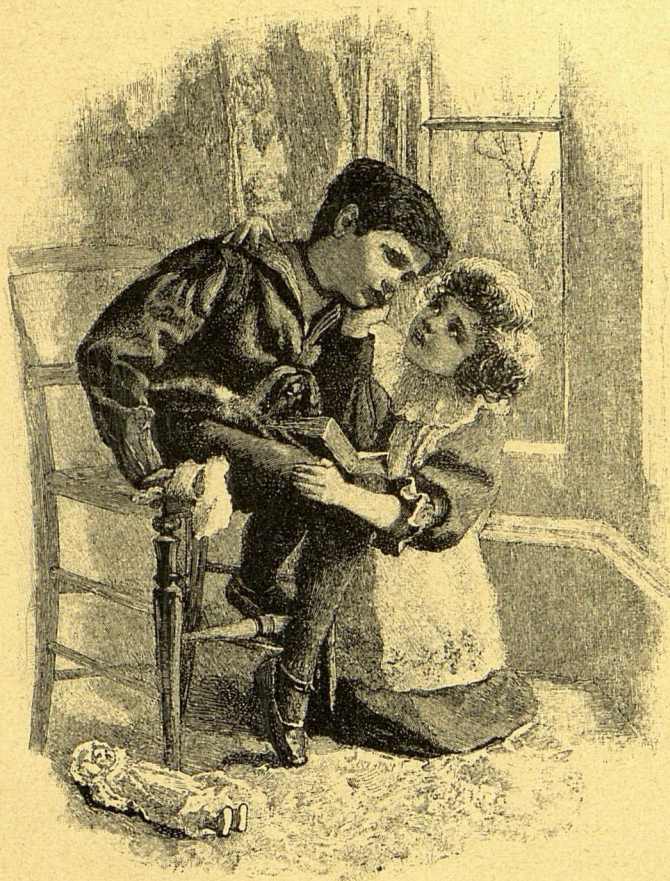
— Щипи же... Щипи!.. Что ты глядишь! — повторила Лена, приближая къ нему руку.— Еще!..

— Лена, Лена!.. Про-с-ти!

Вася схватился за голову и сталъ теревить свои волосы.

— Гадкій я, Лена... Знай, знай!.. На, ударь меня... Побей... Хоть ущипни меня!.. Леночка, милая... Ну, хоть чуточку... Возьми мои краски,

саблю... Или иди, пожалуйста на меня... Лена!—
настойчиво говориль Вася... Ему хотѣлось
боли, наказанія...

Лена одну минутку глядѣла на него уди-
вленными глазами и вдругъ перемѣнилась:
улыбнулась ему, повеселѣла...

— Вася... что съ тобой?.. Ну... я... не сер-
жусь!

И она поцѣловала его въ голову.

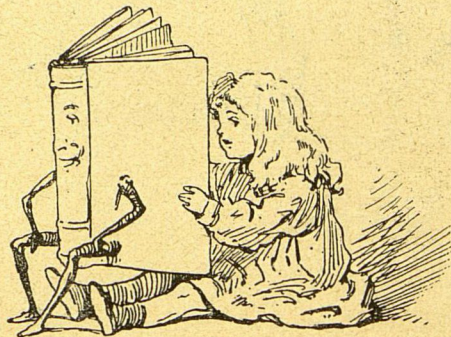
Это было сверхъ силь... Вася разрыдался,
бросился къ ней, нашель больное мѣсто на
ея рукѣ, и сталъ его цѣловать.

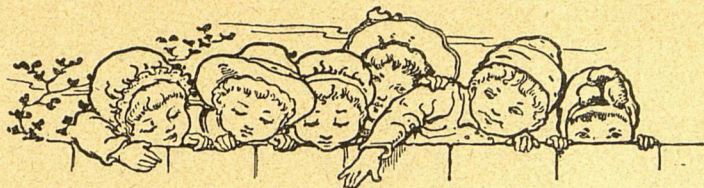
Лена положила на его голову другую руку
и стала гладить.

— Перестань же, Вася... Ну, перестань...
хорошій мой... позабудемъ... и больше... ни-
когда... не станемъ...

Лена была спокойна... Ей было такъ хоро-
шо... Она побѣдила...

П. Левицкій.

ДОБРАЯ ЛИСА.

(Басня.)

Лиса карету завела
И въ ней звѣрей катала;
По грошу за проѣздъ брала,—
Ей это на харчи хватало.

Волкъ у нея служилъ конемъ,
Лисенокъ-сынъ былъ кучеръ ловкій..
Но этимъ праведнымъ трудомъ
Понадоѣло жить плутовкѣ.

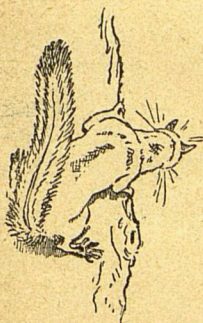
И стала куръ она возить,
Да не за деньги, а бесплатно..
Чѣмъ ухитрялась она жить—
Для многихъ было непонятно.

Разъ вель гусака своихъ гусятъ,
Лиса кричитъ:— „Проѣздъ бесплатно!..
— „Ну, нѣтъ,— сказалъ гусака,— наврядъ
„Съ тобой кататься намъ пріятно!

„Катай ужъ глупыхъ куръ пока,
„А мы дойдемъ пѣшечкомъ въ гости,

„Хоть на словахъ ты и мягка,
„Но ты насъ съѣшь и сгложешь кости!..“

Порою такъ иной кричитъ,
Что лишь добро творить онъ можетъ,
Что за другихъ не ѣсть, не спитъ,—
А самъ, знай, въ уголкѣ сидитъ,
Да наши косточки и гложетъ.

А. Дорозъ.

